

## Содержание

ISSN 2587-8190

<b>Артем Трофимов.</b> Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича) . . . . .	223
<b>Хэн Фу.</b> «Энхиридион» Эпиктета: переводы А. Д. Кантемира и Г. А. Полетики . . . . .	239
<b>Мария Начинкова.</b> Записки Бориса Райского и роман И. А. Гончарова «Обрыв» . . . . .	248
<b>Алексей Балакин.</b> Вокруг завещания И. А. Гончарова . . . . .	264
<b>Мария Асташенкова.</b> Сборник М. В. Крестовской «Уголки театрального мирка» как пример русской театральной прозы 1880-х годов . . . . .	288
<b>Анастасия Полумордвина.</b> Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент» . . . . .	302
<b>Дмитрий Зайцев.</b> Натуралистический нарратив о неврастении и дегенерации и русский символистский роман: О влиянии сборника А. В. Амфитеатрова «Психопаты» на роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» . . . . .	320
<b>Андрей Устинов.</b> Мстислав Добужинский и русская кабаре-культура: Антрепризы Бориса Пронина I. «Привал комедиантов» в Петрограде . . . . .	331
II. «Странствующий энтузиаст» в Москве. . . . .	363
<b>Дмитрий Цыганов.</b> От культа Ленина к культу Сталина: Стратегии деперсонификации ленинского образа в некрологической лирике в связи с его вытеснением сталинским quasi-мифом . . . . .	384
<b>Анастасия Христенко.</b> О природе визуального кода в романе Ю. К. Олеши «Зависть» . . . . .	404
<b>Максим Щавлинский.</b> «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии . . . . .	423
<b>Екатерина Буханова.</b> Судьба текста в романе А. Битова «Преподаватель симметрии» . . . . .	437
<b>Анастасия Именных.</b> Два варианта романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: К истории публикации . . . . .	451
<b>Указатель имен</b> . . . . .	463
<b>Содержание шестнадцатого тома</b> . . . . .	479

Тираж 500 экз.

### Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),  
А. С. Пахомова (редактор), А. Ю. Балакин,  
Е. А. Глуховская, О. В. Макаревич, А. А. Чабан

### Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.  
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (3-4)

Летняя школа по русской литературе

# ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ



2020 (3-4)



международная летняя школа  
по русской литературе

Выходит 4 раза в год  
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель  
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)  
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)  
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)  
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)  
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)  
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)  
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,  
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020

© «Летняя школа по русской литературе», 2020

## Contents

<b>Artyom Trofimov.</b> Composition features of the panegyrics in honour of the Victory at Poltava (based on Stefan Yavorsky's and Feofan Prokopovich's works) . . . . .	223
<b>Heng Fu.</b> <i>Enchiridion</i> of Epictetus: Translations of Antiochus Cantemir and Grigorij Poletika . . . . .	239
<b>Mariia Nachinkova.</b> Boris Rayskiy's sketches and Ivan Goncharov's novel <i>The Precipice</i> . . . . .	248
<b>Alexey Balakin.</b> Notes on Ivan Goncharov's Testament. . . . .	264
<b>Mariya Astashenkova.</b> M. Krestovskaya's digest <i>Corners of the Theatrical World</i> as an example of Russian theatrical prose of the 1880's. . . . .	288
<b>Anastasia Polumordvinova.</b> Love as a game, love as a fate and love as a death in Valery Bryusov's lyrical novel <i>Decadent</i> . . . . .	302
<b>Dmitry Zaytsev.</b> Naturalist narrative about neurasthenia and degeneration and the Russian symbolist novel: Influence of the A. V. Amfiteatrov's collection <i>Psychopaths</i> on Fyodor Sologub's novel <i>The Petty Demon</i> . . .	320
<b>Andrei Ustinov.</b> Mstislav Dobuzhinsky and the Russian Cabaret Culture I. <i>The Comedians' Camp</i> in Petrograd . . . . .	331
II. <i>The Peripatetic Enthusiast</i> in Moscow . . . . .	363
<b>Dmitry Tsyganov.</b> From the «Lenin» cult to the «Stalin» cult: Strategies of depersonifying the image of Lenin in obituary poetry due to its later elimination by the Stalin quasi-myth . . . . .	384
<b>Anastasiia Khristenko.</b> The nature of the visual code in Yury Olesha's novel <i>Envy</i> . . . . .	404
<b>Maxim Shavlinsky.</b> <i>The Life of Arseniev and The Life of Bunin</i> as a way of deliberate speculate on biography . . . . .	423
<b>Ekaterina Bukhanova.</b> The fate of the text in Andrey Bitov's novel <i>The Teacher of Symmetry</i> . . . . .	437
<b>Anastasiia Imennykh.</b> Two versions of Victor Astafiev's novel <i>Damned and Killed: Notes on the publication history</i> . . . . .	451
<b>Index</b> . . . . .	463
<b>Content of the volume</b> . . . . .	479

### Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,  
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),  
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

### Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.  
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: [summerschool@list.ru](mailto:summerschool@list.ru)

ДМИТРИЙ ЦЫГАНОВ  
(Москва)

## ОТ КУЛЬТА ЛЕНИНА К КУЛЬТУ СТАЛИНА

*Стратегии деперсонализации ленинского образа  
в некрологической лирике в связи с его вытеснением  
сталинским quasi-мифом*

В статье предпринимается попытка рассмотрения корпуса некрологической лирики («траурного дискурса») 1924 года в связи с протекавшим в 30–50-е годы процессом трансформации культа вождя и перехода от культа В. Ленина к культу И. Сталина. Отдельное внимание уделяется вопросам, связанным с переосмыслением статуса ленинского тела, а также стратегиям деперсонализации и эмблематизации ленинского образа. На основе литературного и историко-культурного материала нами моделируется вероятная траектория вытеснения образа Ленина сталинским quasi-мифом и относительная хронология последующего оформления этого мифа в качестве «мотивирующей базы» культа вождя.

**Ключевые слова:** В. И. Ленин, И. В. Сталин, культ вождя, лениниана, сталиниана.

**Информация об авторе:** Дмитрий Михайлович Цыганов, студент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва Россия.

**E-mail:** tzyganoff.mitia@yandex.ru

**From the „Lenin“ cult to the „Stalin“ cult:  
strategies of depersonificating the image of Lenin  
in obituary poetry due to its later elimination by the Stalin  
quasi-myth**

The article discusses the 1924 obituary poetry („the mournful discourse“) in relation to the transformation of the „leader cult“ (Lenin to Stalin) that took place in the 30s–50s. The article demonstrates the ways in which the fact of Lenin’s death gets metaphorized by progressively identifying „person“ with „deed“, „idea“ and then the dogma of „Leninism“. The article gives special attention to the issues concerning the reconsideration of the status of Lenin’s body, and more than that, to the strategies of depersonificating and emblematising Lenin’s image. On the basis of a wide range of historical and cultural sources we form a possible trajectory of the replacement of Lenin’s image

with the quasi-myth of Stalin and the relative chronology of its (quasi-myth's) following becoming the „motivating basis“ to the «leader cult».

**Key words:** Vladimir Lenin, Joseph Stalin, cult leader, Leniniana, Staliniana.

**About the author:** Dmitry Tsyganov, student at Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

**E-mail:** tzyganoff.mitia@yandex.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-3-4-384-403

## I

В 1949 году в библиотеке журнала «Огонек» вышел двоянный выпуск под названием «Стихи о вожде» (№ 49–50). Путем элементарного подсчета мы получаем следующее соотношение: имя Ленина в нем встречается всего 19 раз (5 из которых — притяжательное прилагательное «ленинский»<sup>1</sup>), упоминаний Сталина же — 93. Думается, что подобная корреляция достаточно точно описывает ситуацию, сложившуюся в период позднего сталинизма, когда культ вождя, переживший с 1924 года ряд трансформаций, наконец стабилизировался, деформировав глубинные структуры массового сознания. Проблема, связанная с подобным статистическим распределением, по-видимому, не может быть решена без обращения к событиям, обусловившим положение «вождистской» темы в качестве одной из центральных в литературном процессе конца 1920-х — начала 1950-х годов.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Стихи о вожде. М., 1949. С. 3, 23, 62 (дважды), 73 (Библиотека «Огонек». № 49–50.)

<sup>2</sup> Показательными в этом отношении могут становиться лексические изменения, которые претерпевает следующий фрагмент из очерка М. Горького «В. И. Ленин» (1924). Рабочие на Лондонском съезде 1907 года рассуждают о Ленине, один из них говорит: «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — товарищ наш» (*Горький М. В. И. Ленин // Собр. соч.: В 22 т. М.; Л., 1928. Т. 20. С. 9*). Этот текст позднее редактировался писателем. В окончательном варианте 1930 года читаем: «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — *вождь* и товарищ наш» (*Горький М. В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М., 1974. Т. 20. С. 17; курсив мой. — Д. Ц.*). См. об этом: *Цыганов Д. М.* «Платона мы любим, но истину — еще больше»: Об одной неявной параллели в очерке М. Горького «В. И. Ленин» в связи с переориентацией литературного процесса в 1930-е годы // *Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (Проблемы теории и методологии изучения): Материалы VII Международной научной конференции.* Москва, 17–19 декабря 2020 г. М., 2020. С. 130–138.

«Могила Ленина — колыбель свободы всего человечества», «Ленин — наше бессмертие»,<sup>1</sup> — под этими лозунгами проходила траурная процессия 23–27 января 1924 года. В. И. Ульянов-Ленин ушел из жизни 21-го января в возрасте 53 лет в Горках (ныне — Ленинский район Московской области). Между тем, похороны вождя символично перенесли с субботы (26 января<sup>2</sup>) на воскресенье. Забальзамированное тело человека, объявленного А. В. Луначарским «любимым сыном истории»,<sup>3</sup> было помещено во временный деревянный Мавзолей (архитектор А. Щусев).

За три дня до этого, 24 января, в Москве было принято три важнейших постановления: «Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о широком распространении некоторых речей и биографии В. И. Ленина, массовой отливке бюстов Ильича», «Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о переименовании Петрограда в Ленинград» и «Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об организации массового набора рабочих в партию [т. н. «ленинский призыв»]». Именно их можно считать хоть и не первыми, но наиболее значительными из первых шагов к метафорическому переосмыслению факта кончины Ленина и к посмертному установлению его культа. Первоначальная мотивация сохранения тела, апеллировавшая к потребности широкой общественности в прощании с «вождем»,<sup>4</sup> вскоре была дискредитирована действиями самой верхушки Политбюро ЦК РКП(б).

<sup>1</sup> По-видимому, лозунгом стало заглавие стихотворения В. Каменского «Ленин — наше бессмертие» (1924) (См.: Ленин в советской поэзии / Сост., подг. текстов и прим. Р. Б. Вальбе, Р. А. Щацевой и Л. С. Шепелевой. Л., 1970. С. 120 («Библиотека поэта». Большая серия). Далее стихотворения цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках в тексте имени автора, названия стихотворения, года создания и страницы сборника. Курсив в цитатах мой — Д. Ц.).

<sup>2</sup> См.: Телеграмма № 190/т Сталина И. В. Троцкому Л. Д. с извещением о смерти Ленина В. И. 22 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5271. Л. 1.

<sup>3</sup> Луначарский А. В. Ленин // Луначарский А. В. Ленин (Очерки). М., 1924. С. 20.

<sup>4</sup> См.: Постановление Президиума ЦИК СССР о сооружении на Красной площади склепа для хранения в нем гроба с телом В. И. Ленина. 25 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

26-го февраля была создана комиссия «по наблюдению за состоянием бальзамирования тела Владимира Ильича Ленина и своевременному принятию необходимых мер», а ровно через месяц команда патологоанатомов приступила к работе по бальзамированию тела Ленина на длительный срок.<sup>1</sup> Тем самым тело вождя становилось одним из памятников, от коих «какие-то силовые лучи должны непрерывно излучаться <...> в массу, из которой они [эти] силы [и] черпают», памятником «революционным», который «есть активная „вещь“, есть централизатор и трансформатор [социальных] сил[ы (зачеркнуто. — Д. Ц.)]».<sup>2</sup> А сам Мавзолей, по мысли его устроителей, «отнюдь не должен иметь характера мертвого величия», но обязан стать «центром воздействия на массы».<sup>3</sup> Ср., например: «Вот Мавзолей. И траурный убор. / Здесь будем мы трубить военный сбор. / Здесь — наш алтарь и наш ковчег завета» (Д. Бедный, «Ленинскому набору», 1924; 177). «Ленина не видно, / но он близ. // По тому, / работа движется как, // видна / направляющая / ленинская мысль»<sup>4</sup> — к 1924 году эта мысль оформляется не в Институте В. И. Ленина (признанного Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 29 ноября 1923 года единственным хранилищем всех рукописных документов Ленина), а в своде сталинских лекций «Об основах ленинизма» (1924). Принимая во внимание эти контекстуальные подробности, обратимся к непосредственной теме нашей работы, предварительно сделав несколько методологических уточнений.

Непосредственной задачей нашей статьи является описание и экспликация тех стратегий канонизации образа вождя и событий его биографии, которые свойственны корпусу некрологической лирики («траурному дискурсу»

<sup>1</sup> См.: *Збарский И. Б.* Объект № 1. М., 2000. С. 80.

<sup>2</sup> Доклад Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ленина о постройке вечного Мавзолея В. И. Ленина. 21 октября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 129. Л. 4. Слова, помещенные в квадратных скобках, вписаны карандашом позднее.

<sup>3</sup> Там же. Л. 5.

<sup>4</sup> *Малковский В. В.* Владимир Ильич Ленин // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 6. С. 279.

по Б. Эннкеру<sup>1</sup>) о В. И. Ульянове-Ленине с точки зрения их историко-литературной специфики. Мы также хотим представить вероятную траекторию вытеснения сталинским quasi-мифом образа Ленина и установить — с опорой на совокупность наиболее репрезентативных текстов — относительную хронологию последующего оформления этого мифа в качестве «мотивирующей базы» культа вождя.

Мы прибегаем к рассмотрению корпуса тематически и семантически связанных друг с другом текстов разных авторов, выделяя типические мотивы и образы, свойственные сверхтекстовым единствам, примерами которых можно считать «петербургский текст русской литературы», описанный В. Н. Топоровым, лениниану или сталиниану как сверхтексты с дестабилизированным кругом «канонических», наиболее репрезентативных для этих единств текстов). В качестве объекта нами избран комплекс оригинальных поэтических произведений,<sup>2</sup> написанных в 1924 году и непосредственно посвященных кончине В. И. Ульянова-Ленина и собранные в соответствующий раздел книги «Ленин в советской поэзии»<sup>3</sup> — самого полного на сегодняшний день сборника поэтической ленинианы. Обращение к другим текстам (как художественным, так и публицистическим) обуславливается либо стремлением к объективизации концептуальных положений работы, либо потребностью продемонстрировать динамику того или иного обсуждаемого явления.

На материале сталинианы подобный подход к текстам был отчасти реализован О. А. Лекмановым в статье, посвященной выявлению в мандельштамовской «Оде» 1937-го года

<sup>1</sup> Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / Пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова; науч. ред. Е. Ю. Зубкова. М., 2011. С. 6.

<sup>2</sup> В жанровом отношении ленинский некрологический канон довольно однороден: подавляющее большинство текстов — стихотворения в 3–5 (иногда больше) стрóf и короткие поэмы. Текст Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (опубл. в 1925) прецедентов не имел.

<sup>3</sup> Ленин в советской поэзии. С. 115–216; раздел «21 января 1924 года». В этот раздел вошли также стихотворения, которые были опубликованы в однодневной газете «Ленин», вышедшей 25 января 1924 года. Рассматриваются нами преимущественно оригинальные тексты. Переводы привлекаются лишь изредка для продления типологического ряда.

следов использования поэтом «коллективными усилиями собранных» образов из «копилки» сталинианы.<sup>1</sup> Отметим также построения Б. Эннкера, критикующего концепцию Н. Тумаркин,<sup>2</sup> которые носят скорее социологический характер: объем литературных свидетельств тех лет либо полностью не рассматривается, либо упоминается лишь вскользь.<sup>3</sup> Эннкер, формулируя свой подход (а в большей степени перенимая его у О. Великановой<sup>4</sup>), концептуально развивает положения теории «социального действия» М. Вебера. Анализ фактов приводит автора к выводу, который, по нашему мнению, значительно редуцирует своеобычность культа вождя. Эннкер пишет, что ошибкой будет видеть учреждение культа Ленина «следствием дальновидных проектов Сталина», и далее подытоживает:

*Определяющими здесь были присущие большевистскому руководству соображения прямой политической прагматики (курсив мой. — Д. Ц.), в соответствии с которыми им удалось придать удачно организованной акции скорби и почитания покойного вождя «увековеченную» форму преклонения и лояльности перед большевистским режимом.<sup>5</sup>*

Мы считаем, что «вписывание» культа в рамки сугубо организационные, регламентирующие политико-идеологическую

<sup>1</sup> Лекманов О. А. Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Лекманов О. А. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017. С. 316–351. В отличие от Лекманова мы склонны полагать, что на 1937 год (и вплоть до 60-летия Сталина) приходится завершающий этап в процессе «уравнения» ленинского и сталинского образов в контексте культа вождя, а корпус текстов, описываемый литературоведом, является не собственно сталинианой, но предэтапом ее ортодоксального состояния, когда ленинский образ будет окончательно вытеснен и деактуализирован. Поэтому в данной работе представлена не столько характеристика модели функционирования корпуса текстов, посвященных Сталину, сколько отдельный набор наиболее типических мотивов, слагаемых некоторой поэтизированной «биографии».

<sup>2</sup> См.: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб., 1997.

<sup>3</sup> Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе.

<sup>4</sup> См.: Великанова О. В. Образ В. И. Ленина в государственной идеологии и общественном восприятии в Советской России: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

<sup>5</sup> Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 396–397.



культуру, а, следовательно, и «исчерпывающая» детерминация его функцией «формовки» (по Е. Добренко<sup>1</sup>), не представляются убедительными стратегиями, позволяющими описать этот феномен.

## II

Урсула Юстус достаточно точно замечает, что «до середины 1930-х годов Советский Союз еще не был превращен в ту единую „медиаальную деревню“, в которой весть о смерти Ленина могла бы стать тем непосредственным событием, о котором непрестанно поют певцы».<sup>2</sup> И действительно, вполне очевидно, что описанная выше «суматоха явлений», нарочито притягиваемая в пределы похоронной процессии, имела своей целью нивелировать возникающие в обществе волнения по поводу утраты определенности в связи с кончиной «революции и сына и отца».<sup>3</sup> По большей части поэтому, а также из-за того, что следовало наметить траекторию, позволившую сначала «верхушке» Политбюро, а затем и лично И. Джугашвили-Сталину, легитимировать собственную власть и утвердить себя в роли прямого и единственного «наследника» и ортодоксального толкователя ленинского учения, в лирике, посвященной смерти В. И. Ульянова-Ленина, впервые в социокультурном пространстве Советского государства начал складываться полноценный образ вождя.

Этот образ весьма специфический. В нем преобладает категория «дела» — того «завета», который сам Ленин оставил живущим: «Мы / Схоронили только тело, / Но живы — / Мысли и дела» (А. Богданов, «Ленину», 1924; 140); «Ленин в сердцах поколений / Останется жить / На веки веков. / Бессмертно великое имя — / Ленин, / Бессмертно дело большевиков» (А. Аюпян, «Ленин бессмертен», 1924; 119); «Его заветы не умрут — / Они в живых сердцах живут, / Бессмертны, как свободный труд» (И. Садофьев, «У гроба

<sup>1</sup> Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

<sup>2</sup> Юстус У. Вторая смерть Ленина: функция плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина // Соцреалистический канон: Сб. статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 928.

<sup>3</sup> Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин. С. 298.

Ильича», 1924; 144); «Но не умалим дела дел! / Завета трудного не сузим!» (В. Брюсов, «После смерти В. И. Ленина», 1924; 145); «Он шепчет из гроба наказы» (С. Минин, «Над могилой», 1924; 147); «Бессмертна мысль, — / Что ни случится, / Его завет осуществится» (Д. Петровский, «Последнее свидание», 1924; 149); «И пусть твой дух бессмертный им поможет — / Тем смельчакам, что встанут у руля» (В. Ильина, «Ильичу», 1924; 160)<sup>1</sup>; «Твой ум и ученье, великий мыслитель, / В нас будут как яркое солнце сиять» (Злотин, красноармеец, «На смерть товарища Ленина», 1924; 167).

Очевидно, что в данном случае рефлексирующие по поводу ленинской смерти поэты *откликнулись* на «социальный заказ» (однако в отдельных случаях, по-видимому, можно усматривать и писательский энтузиазм), поскольку в стихотворениях почти дословно повторяются пассажи из Правительственного сообщения о смерти Ленина: «Его больше нет среди нас, но *его дело* останется незабываемым. Выражающее волю трудящихся масс, Советское Правительство продолжит работу Владимира Ильича, идя дальше *по намеченному им пути*».<sup>2</sup> Но по мере роста количества откликов на смерть вождя и последовавшей за этим разработки темы, в поэтической лениниане происходит метафорическое уравнивание «партии» и «Ленина», что исказило изначальную интенцию партии, заключавшуюся лишь в проведении в жизнь ленинских идей: «*Партия и Ленин — / близнецы-братья — // кто более / матери-истории ценен? // Мы говорим Ленин, / подразумеваем — партия, // мы говорим партия, / подразумеваем — Ленин*».<sup>3</sup> В этих строках В. В. Маяковский отождествляет Ленина и партию, проводя мысль об их органической

<sup>1</sup> Отметим, что в этом примере категория «дела» нарочито эллипсирована, но идея «государства-корабля» (образа, известного с древнейших времен и разработанного уже в лирике Алкея (VII–VI вв. до н.э.)) все же подразумевается.

<sup>2</sup> Правительственное сообщение о смерти В. И. Ленина. 22 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

<sup>3</sup> *Маяковский В. В.* Владимир Ильич Ленин. С. 267. В этом случае представлен магистральный путь, отход от которого, по-видимому, не может быть охарактеризован в качестве обособленной тенденции.

нераздельности, о единстве, которое они образуют даже после того, как «отец революции» простился с жизнью.<sup>1</sup>

Луначарский писал: «Это не смерть — то, что мы пережили сейчас, это — апофеоз, это — превращение живого человека, которому мы недавно еще могли пожать руки, в существо порядка высшего, в бессмертное существо <...>. Сегодня мы опустили его (Ленина, т. е. его тело. — Д. Ц.) в землю и мы взяли его в наше сердце, и он пребудет и в наших сердцах и в сердцах наших детей».<sup>2</sup> Отождествление «утробы» и «могилы» в приведенных ранее лозунгах свидетельствует о том, что в факте сохранения ленинского тела фиксируется и физическая смерть, и рождение «бессмертия» коллективного ленинского образа, что находит отражение в лирике тех лет: «Будет жить / *Мильоноглавый Ленин,* / Значит, наш *Ильич не умирал!*» (А. Жаров, «На смерть Ленина», 1924; 117); «Но не умер в миллионах, / Им подъятых и сплоченных, / Мозг и сердце их — *Ильич.* // *Он бессмертен в комсомоле,* / В новом быте, в новой школе; / *В миллионах растворен <...> Но Ильич — бессмертен в нас!*» (В. Князев «Капля крови Ильича», 1924; 121, 122); «Он жив! Он зримо с нами! / *Он наша жизнь! Она наше знамя!*» (И. Садофьев, «У гроба Ильича», 1924; 144); «Он не умер, не умер — он с нами, / *Его жизнь — это мы...*» (С. Бобров, «Протянувшись вперед...», 1924; 155); «Он будет символом бессмертия живого» (П. Арский, «Вождь», 1924; 164); «Нет. Зачем говорить, что он умер. / Он ведь здесь — *он ведь в каждом из нас!*» (А. Мушников, работница Почтамта, «Зачем говорить, что он умер», 1924; 168); «Но зов его светлый звучит как живой, / *В сердцах миллионов пылает*» (Х. Гильдин, «21 января (Из поэмы «Лениниада», 1924; 187). Идея о нерасчленимости жизни и смерти также обыгрывается лирикой тех лет: например, у Х. Гильдина читаем: «Вот молодая мать, / Над гробом выпрямляясь, / Как знамя пронесла / Ребенка своего» (Х. Гильдин, «21 января (Из поэмы «Лениниада», 1924;

<sup>1</sup> Ср., например, у В. Каменского: «Но мудрая несокрушима мощь: / *Учитель мертв — жив ленинизм!*» (В. Каменский, «Когда умирает вождь», 1924; 161).

<sup>2</sup> Луначарский А. В. Ленин (Очерки). С. 15, 23.

185). Буквальное «крещение» смертью, описываемое приведенным фрагментом, открывает новые пути интерпретации таких фраз: «*Всякий <...> должен помогать строить нашу великую Коммунистическую Партию, потому что только она могла родить такого человека, как Ленин*».<sup>1</sup>

В обращении ЦК от 22 января Н. И. Бухарин утверждал следующее: «Но его (Ленина. — Д. Ц.) физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть *коллективное воплощение Ленина*».<sup>2</sup> Это «коллективное воплощение» неуклонно разрасталось «ленинским призывом», приведшим в партию до 1 мая 1924 года около 128 тысяч новых членов.<sup>3</sup> Этот процесс нашел поэтическое воплощение, например у Маяковского: «Товарищ секретарь! / На тебе — / вот — // просим *приписать / к ячейке еркаловой // сразу, / коллективно, / весь завод...*»<sup>4</sup> или Д. Бедного: «Да будет же, наш *ленинский набор, / Защищена тобой святыня эта (Мавзолей. — Д. Ц.)!*» (Д. Бедный, «Ленинскому набору», 1924; 177).

И совсем естественным образом ретроспективно увязывается в сознании масс факт якобы прямой передачи власти Лениным Сталину с шестью клятвами,<sup>5</sup> произнесенными над телом Ульянова-Ленина его, как кажется, прямым преемником. В пользу ретроспективного характера осмысления преемственности говорят свидетельства современников: «Впечатление от смерти Ленина в семье было очень сильное, глубокое и горестное <...> Ощущения того, что на смену Ленину пришел Сталин, ни у меня, тогдашнего мальчишки, ни в нашей семье не было <...> Понимание того, что Сталин во главе всего, что происходит, сложилось где-то между началом коллективизации,

<sup>1</sup> Зиновьев Г. Е. В. И. Ленин // От первого лица. М., 1990. С. 488. (впервые: М., 1924).

<sup>2</sup> Бухарин Н. И. К партии. Ко всем трудящимся // Экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия». 1924. 23 янв. С. 1.

<sup>3</sup> Сталин И. В. Организационный отчет Центрального Комитета XIII съезду РКП(б) 24 мая 1924 г // Соч. М., 1947. Т. 6. С. 201.

<sup>4</sup> Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин. С. 307.

<sup>5</sup> Сталин И. В. По поводу смерти Ленина: Речь на II Всесоюзном Съезде Советов 26 января 1924 г. // Соч. Т. 6. С. 46–51.

первой пятилетки и XVI съездом партии [проходил в Москве с 26 июня по 13 июля 1930 года. — Д. Ц.]».<sup>1</sup> «Инаугурацией культа вождя» Дж. Дэвлин<sup>2</sup> называет пятидесятилетие Сталина, широко отмечавшееся в 1929 году (что не противоречит приведенному выше суждению Симонова). Но ленинский образ в дэвлинской концепции сталинского культа как «политической мифологии» фигурирует спорадически: исследователь склонен рассматривать сталинский культ как явление качественно новое, сконструированное «на пустом месте», достаточно далеко отстоящее (как это видно из приведенных выше суждений) от «ореола» ленинского культа. Фиксируемый Дэвлином факт, что культивация Сталина эксплуатировала стратегии, намеченные некрологической ленинианой, как мы постараемся показать далее, бесспорен. О единстве культа позволяет говорить его связь с процессуальностью, с длительностью во времени, а отнюдь не с тактикой попеременных чередований в духе бинарных оппозиций «Культуры Два» (М., 2016) В. Паперного.

Для того чтобы прояснить основания, на которых складывался культ, обратимся к текстам, которые, не являясь художественными, сыграли важнейшую роль в формировании образа Ленина и, что более существенно, зафиксировали стадиальность процесса трансформации культа, выступив в нем стабилизирующими. В «Кратком курсе истории ВКП(б)»,<sup>3</sup> изданном с 1938-го по 1956-ой годы на русском языке 301 (!) раз в количестве более 42 800 000 экземпляров, фигура Сталина представляется в роли ближайшего соратника В. Ульянова-Ленина: «Позицию Ленина целиком поддерживал тов. Сталин...»<sup>4</sup>; «Ленин и Сталин еще до революции, накануне империалистической войны, разработали основы политики партии большевиков по национальному

<sup>1</sup> Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1990. С. 24.

<sup>2</sup> Дэвлин Дж. Миф о Сталине: развитие культа // Труды «Русской Антропологической школы». М., 2009. Вып. 6. С. 213–240.

<sup>3</sup> История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс: Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 г. / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938.

<sup>4</sup> История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). С. 132.

вопросу»<sup>1</sup>; «Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира...»<sup>2</sup> И, наконец, кульминация: «На этом съезде по предложению Ленина и Сталина было создано добровольное государственное объединение Советских народов — Союз Советских Социалистических Республик (СССР)»,<sup>3</sup> за которой следовал вывод о том, что после смерти Ленина его ученики, в частности, Сталин, «были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом».<sup>4</sup> Получившийся нарратив констатирует «окончательную победу великого дела партии Ленина — Сталина».<sup>5</sup> И если здесь речь идет только о категории «дела», то в статье А. Микояна 1939 года «Сталин — это Ленин сегодня» представлен уже совокупный «образ Ленина — Сталина».<sup>6</sup>

Тенденция к вытеснению образа Ленина как основания культа в пользу образа Сталина обрела свое выражение и в кинематографе, потому как именно «кино есть важнейшее средство массовой агитации».<sup>7</sup> В ноябре 1938 года на экраны вышел фильм М. Чиаурели «Великое зарево», где, по замечанию Н. Черновой, «Сталин перестал быть безмолвной тенью Ильича <...> наравне с Лениным ему отводились руководящие реплики», кроме того, в фильме «нет ни одной ленинской сцены, в которой бы отсутствовал образ Сталина».<sup>8</sup> Шестидесятый юбилей Сталина был отмечен выходом художественного фильма М. Ромма «Ленин в 1918 году» (первоначально — «Покушение») — второй части дилогии (первая — «Ленин в Октябре»), приуроченной к 20-й годовщине Октябрьской революции. «Можно сказать, что если раньше

<sup>1</sup> Там же. С. 182.

<sup>2</sup> Там же. С. 207.

<sup>3</sup> Там же. С. 249.

<sup>4</sup> Там же. С. 342.

<sup>5</sup> Там же. С. 4.

<sup>6</sup> Микоян А. Сталин — это Ленин сегодня // Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения: Сборник Сб. статей. М., 1940. С. 76. Автором этого «кентавра» является А. Барбюс (см.: Барбюс А. Сталин. М., 1936. С. 344).

<sup>7</sup> Сталин И. В. Организационный отчет Центрального Комитета XIII съезду РКП(б) 24 мая 1924 г. // Соч. Т. 6. С. 217.

<sup>8</sup> Чернова Н. «Мы говорим — партия, подразумеваем...»: Ускользающий образ сталинского кинематографа // Свободная мысль. 2005. № 12. С. 164.

сталинский типаж существовал в рамках киноленинианы, то теперь (с 1939 года. — Д. Ц.), наоборот, призрачный образ Ленина эпизодически возникал в рамках сталинианы.<sup>1</sup>

В эти же годы двумя постановлениями: «Об учреждении премии и стипендии имени Сталина» от 20 декабря 1939 года и «Об учреждении премий имени Сталина по литературе» от 1 февраля 1940 года был введен институт так называемой Сталинской премии, пришедший на смену Ленинской премии (учрежденной в 1925 году и вручавшейся с 1926 по 1935 годы) и просуществовавший до 1954 года. Тем самым за образом Сталина закреплялась конвенция «покровителя», а после смерти Л. Д. Троцкого, он стал единственным человеком, способным претендовать на статус истолкователя трудов Ленина. С этого момента только Сталин мог определять контуры «ленинского профиля».

Если в конце 30-х — начале 40-х годов, исходя из вышеприведенных фактов, фигура Сталина была, по крайней мере, равнозначной образу Ленина, то после личной победы генералиссимуса Советского Союза в Великой Отечественной войне, приоритетность образа «отца народов» над фигурой «отца революции» стала очевидной и неоспоримой. Отныне процесс «функционирования» имени Ленина, ставшего в некоторой степени *эмблемой*, определялся потребностью Сталина поддерживать легитимность собственной власти. Эта «инструментальность» ленинского образа исключительно точно демонстрируется книгой «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» (1947),<sup>2</sup> вернее, теми правками, которые были внесены лично Сталиным в текст первого ее издания (1945). Приведем лишь некоторые из них. Сталин не только дополнял текст, но и, что в некотором отношении важнее, правил его, вычеркивая целые куски. Одним из самых интересных для нашего исследования фрагментов является следующий абзац: «Сталин проникся безграничной верой в ленинский революционный гений и пошел по пути Ленина.

<sup>1</sup> Чернова Н. «Мы говорим — партия, подразумеваем...»... С. 167.

<sup>2</sup> Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1947. Общий тираж книги составил более 13 000 000 экземпляров.

Он никогда не сворачивал с этого пути, и после смерти Ленина [смело и уверенно продолжает его дело] <sup>1</sup> (вычеркнуто Сталиным. — Д. Ц.)». <sup>2</sup> Из этой правки видно, что для Сталина чрезвычайно важна идея преемственности его курса, которая, однако, им трактуется расширительно, с возможностью отступления от ленинской «линии». Подтверждает эту мысль и следующее добавление Сталина: «*После Ленина* (вписано карандашом. — Д. Ц.) ни одному вождю в мире не приходилось еще руководить такими огромными миллионными массами рабочих и крестьян, как И. В. Сталину». <sup>3</sup> Исправлена была и фраза «Сталин — это [Ленин сегодня]». <sup>4</sup> Вместо нее подписано: «Сталин — это *достойный продолжатель дела Ленина*». <sup>5</sup> Но главное слово здесь отнюдь не «дело» и, тем более, не «Ленин», а именно «продолжатель».

### III

Как мы показали выше, факт смерти В. И. Ульянова-Ленина метафоризируется путем последовательно проводимой операции отождествления личности с «делом», «идеей», а затем и с догматом «ленинизма».

Нам представляется, что в данном случае речь едва ли может идти о мифологизации. Дело в том, что культ Ленина к моменту его смерти сложиться еще не успел, тогда как миф уже прекратил свое развитие, утерев единственный источник своей подлинной диалектики — живую личность, вокруг которой он оформился. Об отсутствии практики общенародного преклонения перед фигурой Ленина в середине

<sup>1</sup> Фрагменты, заключенные в квадратные скобки, в оригинале вычеркнуты Сталиным.

<sup>2</sup> Поправки и зачеркивания Сталина И. В. в макете книги: «Иосиф Виссарионович Сталин». (Краткая биография). Госполитиздат. 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3401. Л. 11.

<sup>3</sup> Там же. Л. 132.

<sup>4</sup> Там же. Л. 133.

<sup>5</sup> Там же. Это добавление, внесенное Сталиным, может вступать в противоречие с другой вышеприведенной правкой, однако это тот самый случай, когда ленинский образ выступает в роли «стабилизатора», снимающего со Сталина вину за изрядную «крутизну» политических поворотов (там же строкой выше читаем: «Сталин — величайший мастер смелых революционных решений и крутых поворотов»).



1920-х годов косвенно может свидетельствовать материал городского фольклора того времени, изображающего подчас картины, исполненные пафосом пренебрежения, презрения к фигуре вождя: стоит вспомнить хотя бы широко ходивший по Москве середины 20-х годов слух о прорыве канализации под Мавзолеем и порожденные этим слухом эпиграммы типа: «Угас российский наш Мессия / И благодарная Россия / Под звуки пушек и мортир / Спустила труп его в сортир».<sup>1</sup> Количественное превосходство «антиленинского» фольклора в 1920-е годы над «антисталинским» десятилетием позднее может объясняться еще и тем, что в первые пореволюционные годы значительно большее число людей определяло себя как противников советской власти, в 1930-е годы таких людей стало намного меньше. Исходя из вышесказанного, разграничение мифа и культа видится нам принципиальным.<sup>2</sup>

Культом вождя также не находился в перманентно статическом положении. По замечанию Урсулы Юстус, «культ бессмертного Ленина <...> к концу 1920-х годов превратился в коммеморативную память <...> в советскую действительность сталинского времени возвращается скорбь, которая в поэтической лениниане конца 1920-х годов вовсе не занимала доминирующего места. Плачи как бы возвестили о второй смерти Ленина, они больше не сосредоточивались на его бессмертии, но кодифицировали окончательное его исчезновение».<sup>3</sup> Метафорическое переосмысление в свою очередь затронуло не только факт смерти Ульянова-Ленина, но и статус его тела. В некрологической лениниане мы имеем

<sup>1</sup> *Ефремов С. О.* Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997. С. 99. Свидетельством того, что в общественном сознании процесс оформления культа проходил не стремительно, а его промежуточные результаты стали ощутимыми далеко не в первые месяцы и даже не в первый год после кончины Ленина (ср.: «Портретов Ленина не видно: / Похожих не было и нет» (Н. Полетаев, «Портретов Ленина не видно», 1923; 105)), могут служить и явно скептические оценки, засвидетельствованные в опубликованных тогда же по-русски, но за рубежом (в Праге) анекдотах (см.: Современный советский анекдот // Воля России. 1925. № 2. С. 56).

<sup>2</sup> Против их отождествления выступает и Б. Эннкер: «Культом Ленина исторически берет свое начало из <...> мифа» (*Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 31).

<sup>3</sup> *Юстус У.* Вторая смерть Ленина: Функция плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина. С. 926.

дело с «режимом мерцания», высвечивающим материальную суть этого тела в отрыве от многочисленных коннотаций. Неслучайно А. Юрчак пишет, что «неизменность мавзолейного тела» подразумевает, что «...параметры его динамической формы поддерживаются на том уровне, который они имели на момент смерти».<sup>1</sup> Мифический заряд этого тела не приоритетен, каковым он является в случае с мощами святых; значимым оказывается статус «слепка», снятого с ленинского образа и освобожденного от каких бы то ни было общекультурных ассоциаций, замкнутого в своей обозримой полноте. Именно этой формой и поддерживается ортодоксальное, константное состояние мифа, чем предотвращается нежелательное его «расползание». Миф таким образом изолируется от влияния на культ, что в итоге и позволило вторичной структуре сталинского мифа (или quasi-мифа<sup>2</sup>) оформиться в качестве «мотивирующей базы» культа вождя.

Выставленное в Мавзолее тело в свете вышепредставленных суждений вполне может быть воспринято в качестве «мифологического изолята», регламентирующего и замыкающего границы личности (в случае Ленина, телесный субстрат практически неотделим от категории «дела», намеченного им «пути», т. е. понятий сугубо умозрительных), ввиду того, что «Даже если умрет тело, то оно все равно должно остаться чем-то неотъемлемым от души <...> Тело — неотъемлемая стихия личности».<sup>3</sup> Поэтому сохранение и «стабилизация» целостности тела вождя свидетельствуют, вопреки провозглашаемому в начале 1930-х годов

<sup>1</sup> Юрчак А. Нетленность Формы: Ленинизм и материальность мавзолейного тела // Неприкосновенный запас. 2013. № 89. С. 266.

<sup>2</sup> О «квазимифологичности» постленинской действительности, утвердившей приоритет «марксизма творческого» (Сталин) над «марксизмом догматическим», точно писал Л. Баткин: «Сталин одновременно и насаждал квазимифы, и сам жил в этом зазеркальном, квазимифическом мире. Вместе с нами Он был творением» (см.: Баткин Л. М. Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина: М., 1989. С. 20).

<sup>3</sup> Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М., 2001. С. 98, 99. Несмотря на достаточно высокую метафоричность лосевской концепции «мифа», в данном случае она оказывается относительно продуктивной объяснительной моделью.

установкам на материализацию ленинского дела, все же о нежелательном характере посползновений в сторону от сталинского курса.

Эта мысль требует разъяснений. В стихотворении О. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), по точному замечанию А. К. Жолковского и Л. Г. Пановой,<sup>1</sup> мотив материализации сталинского слова посредством детали («Его *толстые пальцы*, как черви, *жирны*») увязывается с мотивом телесности и, что наиболее примечательно, в стихотворении присутствует явная «сегментация тела (*«глазища*, с вариантом *ушища*, и зарифмованные с ними *голешища*)». О лирическом сюжете данного текста исследователи пишут следующее:

Он движется от «мы» к «он» — затем к «они» — потом к «все вместе» и кончается опять на «он». По ходу действия жизнь переплетается со словом, слово с делом/телом, а затем и со смертью (схожую динамику мы видим и при анализе некрологической ленинианы. — Д. Ц.). Работает властная вертикаль и происходит расчленение тела (Сталина. — Д. Ц.) на органы.<sup>2</sup>

Как мы видим, максимальная конкретность, «вещность», многосоставность сталинского образа,<sup>3</sup> отразившаяся в этом тексте, противопоставлена монолитному деперсонифицированному образу Ленина, представленному в поэзии: «Вы не поймете, хоть кричи, / Что за станком, плугом и молотом / *Везде живые Ильичи*» (Л. Чемисов, «„Ильич“ и „смерть“ — два слова страшные...», 1924; 124); «Нет Ильича. Но в *каждом комсомольце / Живет Ильич*» (С. Малахов, «Ленин», 1924; 131). Из этого, по-видимому, следует, что ленинский образ, лишенный всякого конкретного воплощения (идея коллективности субъекта), посредством «завершенности»

<sup>1</sup> Жолковский А., Панова Л. Он мастер, мастер, больше, чем мастер: Еще раз о стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» // COLTA. RU. 2020. 1 июня. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-lada-panova-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany> (дата обращения 10.06.2020).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> По словам Жолковского и Пановой, сталинский портрет сочетает «мощь и избыток с негативно поданной материальностью / телесностью».

и «статичности» мавзолейного тела приобретает свойство обозримой полноты. Полнота же образа Сталина явно необозрима:<sup>1</sup> «Человек там есть чудесный, / Сталин — / Он как мир велик»<sup>2</sup>; «В каждой завязи, в каждом стебле / Имя Сталина мы прочли»<sup>3</sup>; «Его жизнь велика и проста, / Необъятна она, как мечта, / Он, как утро, над миром встает, / Его Сталиным мир зовет!»<sup>4</sup> Право Сталина на *владение* (отсюда излюбленное его прозвище — *Хозяин*,<sup>5</sup> широко распространенное в окружении вождя) и распоряжение телом Ленина свидетельствует о том, что его воле в итоге были подчинены и ленинское «дело», и «намеченный путь» (ср., например: «Мы песни радости поем, / Свет увидавши, мы идем / *Тобой указанным путем* — / Сталин!»<sup>6</sup>), и сам коллективный субъект. Иначе говоря, в руках Сталина к 1930-м годам сосредоточилась безраздельная власть «над всеми людскими сердцами» (С. Бобров, «Протянувшись вперед...», 1924; 155).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баткин Л. М.* Сон разума. О социо-культурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина: М., 1989. С. 9–53.

<sup>1</sup> Приблизительно к этому же выводу приходит Дж. Дэвлин: «Он (Сталин. — *Д. Ц.*) был больше истории, которая связывалась с компромиссами и сиюминутными действиями, и стал частью мифов и легенд. <...> Его личность проникала во весь мир вокруг него: его глаза все видели, его ум все знал, его сердце вмещало чаяния всех его детей» (*Дэвлин Дж.* Миф о Сталине: развитие культуры. С. 220).

<sup>2</sup> *Гордеев С. М.* Испанская колыбельная // Гордеев С. М. Горячее дыхание. Киев; Харьков, 1937. С. 94.

<sup>3</sup> *Леонидзе Г.* Речь на восьмом съезде Советов [1936 г.] // Творчество народов СССР. Альманах: Вып. 1. М., 1937. С. 45.

<sup>4</sup> *Бек.* Песня о вечной мечте Осан Кайгы // Ленин и Сталин в творчестве народов СССР. М., 1938. С. 294.

<sup>5</sup> Именно так Л. М. Каганович назвал Сталина в письме к Г. К. Орджоникидзе. См.: Каганович Л. М. Письмо Г. К. Орджоникидзе, 12 октября [1936 г.] // Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов / Сост. О. В. Хлевнюк, А. Б. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995. С. 150.

<sup>6</sup> Песня о Сталине / Пер. с тюрк. А. Годника // Ленин и Сталин в творчестве народов СССР. С. 185.

2. *Великанова О. В.* Образ В. И. Ленина в государственной идеологии и общественном восприятии в Советской России: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
3. *Добренко Е. А.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
4. *Дэвлин Дж.* Миф о Сталине: развитие культа // Труды «Русской Антропологической школы». М., 2009. Вып. 6. С. 213–240.
5. *Жолковский А. К., Панова Л. Г.* Он мастер, мастер, больше, чем мастер: Еще раз о стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» // COLTA. RU. 2020. 1 июня. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-ladapanova-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-stranu> (дата обращения 10.06.2020).
6. *Збарский И. Б.* Объект № 1. М., 2000.
7. *Лекманов О. А.* Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Лекманов О. А. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017. С. 316–351.
8. *Лосев Б. Ц.* Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М., 2001.
9. *Цыганов Д. М.* «Платона мы любим, но истину — еще больше»: Об одной неявной параллели в очерке М. Горького «В. И. Ленин» в связи с переориентацией литературного процесса в 1930-е годы // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (Проблемы теории и методологии изучения): Материалы VII Международной научной конференции. Москва, 17–19 декабря 2020 г. М., 2020. С. 130–138.
10. *Чернова Н.* «Мы говорим — партия, подразумеваем...»: Ускользающий образ сталинского кинематографа // Свободная мысль. 2005. № 12. С. 160–174.
11. *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе / Пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова; науч. ред. Е. Ю. Зубкова. М., 2011.
12. *Юрчак А.* Нетленность Формы: Ленинизм и материальность мавзолейного тела // Неприкосновенный запас. 2013. № 89. С. 259–278.
13. *Юстус У.* Вторая смерть Ленина: функция плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина // Соцреалистический канон: Сб. статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 926–952.

## REFERENCES

1. *Batkin L. M.* Son razuma. O socio-kul'turnyh masshtabah lichnosti Stalina // Osmyslit' kul't Stalina. M., 1989. S. 9–53. (In Russ.)

2. *Chernova N. V.* «Мы говорим — партия, подразумеваем...»: Uskol'zayushchij obraz stalinskogo kinematografa // Svobodnaya mysl' — XXI. 2005. № 12. S. 160–174. (In Russ.)
3. *Devlin Dzh.* Mif o Staline: razvitiye kul'ta // Trudy «Russkoj Antropologicheskoy shkoly»: Вып. 6. М., 2009. S. 213–240. (In Russ.)
4. *Dobrenko E. A.* Formovka sovetskogo chitatelya: Social'nye i esteticheskie predposylki recepcii sovetskoy literatury. SPb., 1997. (In Russ.)
5. *Ennker B.* Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze / Per. s nem. A. G. Gadzhikurbanova; nauch. red. E. Yu. Zubkova. М., 2011. (In Russ.)
6. *Lekmanov O. A.* Stihotvorenie Mandel'shtama «Kogda b ya ugol' vzyal dlya vysshej pohvaly...» na fone poeticheskoy staliniany 1937 goda // Lekmanov O. A. Samoe glavnoe: o russkoj literature XX veka. М., 2017. S. 316–351. (In Russ.)
7. *Losev B. F.* Dialektika mifa / Sost., podg. teksta, obshch. red. A. A. Taho-Godi, V. P. Troickogo. М., 2001. (In Russ.)
8. *Tsyganov D. M.* «Platona my ljubim, no istinu — eshhe bol'she»: Ob odnoj nejavnoj paralleli v ocherke M. Gor'kogo «V. I. Lenin» v svyazi s pereorientaciej literaturnogo processa v 1930-e gody // Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyj process (Problemy teorii i metodologii izucheniya): Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 17–19 dekabrya 2020 g. М., 2020. P. 130–138. (In Russ.)
9. *Velikanova O. V.* Obraz V. I. Lenina v gosudarstvennoj ideologii i obshchestvennom vospriyatii v Sovetskoy Rossii: Diss. ... kand. ist. nauk. SPb., 1993. (In Russ.)
10. *Yurchak A. V.* Netlennost' Formy: Leninizm i material'nost' mavzolejnogo tela // Neprikosnovennyj zapas. М., 2013, № 89. S. 259–278. (In Russ.)
11. *Yustus U.* Vtoraya smert' Lenina: funkciya placha v period perekhoda ot kul'ta Lenina k kul'tu Stalina // Socrealisticheskij kanon / Pod obshch. red. X. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb., 2000. S. 926–952. (In Russ.)
12. *Zbarskij I. B.* Ob»ekt № 1. М., 2000. (In Russ.)
13. *Zholkovskij A. K. Panova L. G.* On master, master, bol'she, chem master. Eshche raz o stihotvorenii Mandel'shtama «My zhivem, pod soboyu ne chuya strany...» // Colta.Ru. 1 June 2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-ladapanova-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany> (In Russ.)